

© 1996 г. П.В. ПЕТРУХИН

НАРРАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ВРЕМЕН В РУССКОЙ ЛЕТОПИСИ XVII ВЕКА

1. Поздняя древнерусская летопись представляет собой уникальный культурный и лингвистический феномен. В типичном летописном своде XVII века, где повествование начинается с расселения потомков Ноя и заканчивается царствованием Алексея Михайловича, первые и последние части настолько отличаются друг от друга, что их почти невозможно представить в составе одного и того же текста. Абсолютно меняются структура и язык повествования, цель, которую ставит перед собой пишущий, в конечном итоге, само понимание истории. Однако сам факт существования данного текста несомненно свидетельствует о том, что он мыслится его автором (или составителем – имеется в виду создатель конкретного списка) как единое цельное произведение и, следовательно, эти совершенно непохожие друг на друга фрагменты являются (в его понимании) частями единого целого. Принимая во внимание чрезвычайное своеобразие данного типа текстов, целесообразно, прежде чем приступить к непосредственному изучению его морфологических и синтаксических особенностей, попытаться выделить хотя бы самые основные его отличительные черты.

2. Одной из таких черт является нарративность. Летописный текст – нарративный, поскольку в нем описывается последовательность сменяющих друг друга во времени событий. Это текст, повествующий об истории, основной содержательной доминантой которого является понятие времени. Этим в первую очередь обусловлено его глобальное смысловое единство и связность. Поэтому при лингвистическом изучении летописи в центре внимания оказывается нарративная стратегия автора, то есть: каким образом автор описывает последовательность происходящих событий, как он их трактует, какие грамматические и событийные категории при этом оказываются в тексте ключевыми и т.д.

Поскольку минимальными нарративными единицами текста могут, в частности, считаться глагольные предикаты, ясно, что изучение глагольной системы летописного текста и ее функционирования имеет здесь основополагающее значение. Можно утверждать, что факторы, релевантные для выбора той или иной глагольной формы, в большом ряде случаев релевантны также и для выбора нарративной стратегии в целом. Именно эта взаимосвязь представляет наибольший интерес, и ей должно быть уделено максимальное внимание.

Вторым важнейшим признаком летописного текста является гетерогенность. Летописный текст – гетерогенный, поскольку язык, которым описываются соответствующие исторические события, со временем меняется, но каждый последующий летописец в той или иной мере сохраняет лингвистические характеристики текста, доставшегося ему от его предшественника. Более поздние части летописи в большей или меньшей степени отражают изменения, происшедшие в письменном языке со времени создания первых летописных памятников (подробнее о проблеме гетерогенности см. [Живов 1995]). Проблема гетерогенности и проблема нарративной стратегии взаимосвязаны: само понятие гетерогенности летописи подразумевает, что в разных ее фрагментах

используются разные нарративные стратегии и что соответствующие различия имеются в используемых автором источниках.

Таким образом, летописный текст позволяет сопоставить различные способы изложения событий и пронаблюдать изменения, происходившие в этой области со времени создания древнейших летописных сводов. Отсюда возникает следующая проблема: выявить совокупность факторов, определяющих выбор той или иной нарративной стратегии в процессе порождения летописного текста. Как представляется, среди этих факторов можно выделять два наиболее важных – фактор преемственности и коммуникативный фактор.

Так, по мнению В.М. Живова, в поздних русских текстах "употребление простых претеритов целиком обусловлено преемственностью в рамках письменного языка как такового" [Живов 1995: 45]. В свою очередь, эта преемственность обеспечивается действием "двух нарративных механизмов: механизма ориентации на образцы и механизма семантической адаптации". Последний предполагает "интерпретацию специфических книжных элементов и конструкций (т.е. элементов и конструкций, не имеющих прямого соответствия в разговорном языке их автора) в тех семантических категориях, которые были автору доступны (прежде всего из его языкового опыта, связанного с разговорным языком)" [Там же: 46]. Действительно, семантическая адаптация книжных форм к живому языку может давать любопытные результаты. Так, например, ниже подробно рассматривается употребление простых претеритов, образованных от бесприсставочных глаголов несовершенного вида (НСВ). В ранних восточнославянских текстах эти глаголы, по-видимому, употреблялись как недифференцированные в отношении вида (см. [Ружичка 1962]). Однако в XVII веке они уже, безусловно, включены в видовое противопоставление, и автор при употреблении данных форм учитывает их видовую семантику, что, в свою очередь, способствует переосмыслению форм аориста и имперфекта, их семантической дифференциации, при этом сами окончания аориста и имперфекта могут функционировать как своеобразные дейктические знаки (см. ниже).

Вместе с тем, если посмотреть на проблему с коммуникативной точки зрения, то станет ясно, что такой характер функционирования письменного языка, при котором он усваивается через посредство разговорного, диктует и здесь свои законы. Ведь, поскольку сведения, сообщаемые в новом тексте, представляют интерес для современников его автора, он стремится наиболее адекватно изложить информацию. Адекватность в данном случае подразумевает такое изложение событий, которое соответствует характерному для данного времени историческому сознанию, общей для автора и читателя "картине мира". Но для этих целей автору уже может не хватить того ограниченного диапазона формальных и семантических средств, который имеется в образцовых текстах. Иными словами, для того, чтобы текст был более понятен (в широком смысле) читателю, он должен быть более приближен к разговорному языку. В этом состоит одна из важнейших причин, по которой в последних частях поздней русской летописи основной формой нарратива становится л-форма вместо аориста. Так, можно заметить, что первоначально (в "средних" фрагментах летописи) экспансия л-форм происходит в значительной степени за счет глаголов с общефактическими значениями НСВ. Такие глаголы абсолютно нехарактерны для старых книжных текстов типа Повести временных лет (ПВЛ) в силу своей семантики: согласно Е.В. Падучевой [Падучева 1986], их употребление связано с "ретроспективной точкой отсчета" (см. ниже), а следовательно, в нашем случае, и с изменением отношения к истории, к прошлому. Ретроспективная же точка отсчета, по Падучевой, характеризует "речевой режим повествования" (в отличие от "нарративного"; см. ниже). Но общефактические глаголы не сразу появляются в л-формах – сначала они "маскируются" под аорист (NB не имперфект!), и лишь потом скидывают "личину".

Таким образом, использование одной лишь формы (а следовательно, и нарративной стратегии в целом) может быть обусловлено целым рядом серьезных факторов,

таких как изменение коммуникативной ситуации ("речевой режим"), изменение подхода автора к описываемым событиям ("ретроспективная точка отсчета"), изменение отношения к прошлому (см. ниже). Все они должны быть учтены при изучении лингвистического устройства летописи. В этом плане целесообразным представляется использование достижений лингвистики текста, поскольку, по словам Т.М. Николасовой, одно из ее направлений "выявляет содержательные компоненты, связанные с обеспечением правильной коммуникации и тем самым – правильного построения текста вообще... Выявляемые при этом смысловые различия относятся как к правилам логического развертывания содержания текста, так и к правилам прагматического характера, определяющих некоторый общий фонд знаний, общую для автора и воспринимающего "картину мира", без единства которой текст будет непонятен. Это относится к т. наз. **предсуппозициям**. Под текстом в данном случае понимается широкое контекстно-конситуативное коммуникативное окружение – существующее, подразумеваемое или создаваемое автором при желании воздействовать на воспринимающего" [Николаева 1990: 267].

Наиболее яркими чертами гетерогенности обладают поздние летописные памятники. В данной работе исследуется один из крупнейших летописных сводов первой трети XVII в. – Пискаревский летописец [ПСРЛ, т. XXXIV].

3. Пискаревский летописец (ПЛ) – памятник начала XVII века. Последняя запись в нем сообщает о воцарении Алексея Михайловича в 1645 году. Примерно этим временем датируется и написание рукописи ПЛ по палеографическим данным [Дианова 1976].

С 1431 по 1534 г. в ПЛ – пропуск: по словам самого летописца, "писать было не с чево, по великой нуже книги подлинной не было". "Прописаны" великое княжение Василия II (кроме начала), Ивана III и Василия III. Этот столетний разрыв в повествовании делит ПЛ на две части – до процитированной приписки писца и после. Первая часть представляет собой, по характеристике А.Н. Насонова, текст общерусского свода: она открывается ПВЛ с примесью известий, почерпнутых из новгородских источников [Насонов 1969: 360]. Что касается второй части, то, по наблюдениям О.А. Яковлевой, обнаружившей летописец, в основу описания событий XVI века положен текст, близкий к Никоновской летописи, а также "выписки, основанные на воспоминаниях некоего москвича", доходящие до 1615 г. [Яковлева 1955: 13].

4. В лингвистическом плане I и II части отчетливо различаются: в I части – преобладание простых претеритов над л-формами, во II – наоборот.

В свою очередь II часть по этому же признаку делится на два фрагмента: если первый представляет собой типичный гибридный текст, где л-формы чередуются с простыми претеритами (в соотношении примерно 3/1), то во втором л-формы становятся абсолютно доминирующей формой (ок. 90%). Его содержание – Смутное время, что, видимо, не случайно, поскольку, например, в Мазуринском летописце повествование о Смуте также отличается заметно меньшим количеством специфически книжных элементов.

Дальнейшая сегментация текста представлена в таблице I и будет аргументирована ниже. В таблицу вошли данные текста с л. 226 по л. 623. Весь текст делится на 14 фрагментов (I ч. – 9, II ч. – 5). Последний (четырнадцатый) фрагмент (Смута) не вошел в таблицу, поскольку он требует особого рассмотрения. Таблица состоит из десяти столбцов (не считая крайнего слева, в котором указаны номера фрагментов). В нее включены данные относительно простых претеритов (аорист, имперфект) и л-форм. Для всех форм учитывается характер видовой основы; простые претериты делятся также на образованные от приставочных и от бесприставочных основ. В дальнейшем для удобства столбец, в который включены данные об аористе от приставочной основы совершенного вида (СВ), будет называться первым, и далее по порядку.

В целом вся статья посвящена истолкованию статистических данных, представленных в таблице. В основу сегментации положены два основных принципа: цельность

содержания фрагмента и относительное единообразие его лингвистических характеристик (второе часто связано с первым).

I часть

I – лл. 226–313

II – лл. 314–342 ("Сказание о Мамаевом побоище")

III – лл. 342–355 ("О взятии Московском...")

IV – лл. 355–367

V – лл. 367–386 (Житие Дмитрия Донского)

VI – лл. 386–398

VII – лл. 399–408 ("О приходе Темир-Аксака")

VIII – лл. 408–412 ("О епископе Стефане Пермском")

IX – лл. 413–480

II часть

X – лл. 486–536

XI – лл. 536–543 ("О пожаре во граде Москве")

XII – лл. 543–606

XIII – лл. 607–623 ("Царство царя Бориса Федоровича Годунова")

XIV – лл. 624–681 (Смута)

Таблица 1

№ ФР.	ПРОСТЫЕ ПРЕТЕРИТЫ								Л-ФОРМЫ	
	ПРИСТАВОЧНЫЕ ОСНОВЫ				БЕСПРИСТАВОЧНЫЕ ОСНОВЫ				СВ	НСВ
	СВ		НСВ		СВ		НСВ			
	АОР.	ИМП.	АОР.	ИМП.	АОР.	ИМП.	АОР.	ИМП.		

Абсолютные цифры

I часть

I	647	0	0	10	70	0	47	15	43	5
II	196	0	0	5	31	0	14	20	13	6
III	119	0	0	7	7	0	3	44	1	0
IV	122	0	0	1	17	0	11	5	16	6
V	58	4	3	13	5	0	2	37	1	1
VI	130	0	2	1	16	0	7	2	3	2
VII	46	0	0	0	2	0	3	2	2	0
VIII	27	0	0	1	2	0	1	7	1	1
IX	434	0	6	11	53	0	46	23	37	37

II часть

X	23	0	1	1	7	0	1	0	165	52
XI	56	0	0	0	4	0	3	0	27	6
XII	35	1	0	0	0	0	5	1	102	15
XIII	60	2	0	1	14	0	10	5	245	61

Проценты

I часть

I	76,4%	0%	0%	1,2%	8,3%	0%	5,5%	3,0%	5,0%	0,6%
II	68,8%	0%	0%	1,8%	10,9%	0%	4,9%	7,0%	4,6%	2,1%
III	65,7%	0%	0%	3,9%	3,9%	0%	1,7%	24,3%	0,6%	0%
IV	68,5%	0%	0%	0,6%	9,6%	0%	6,2%	2,8%	9,0%	3,3%
V	46,8%	3,2%	2,4%	10,5%	4,0%	0%	1,6%	29,8%	0,8%	0,8%
VI	79,8%	0%	1,2%	0,6%	9,8%	0%	4,3%	1,2%	1,8%	1,2%
VII	83,6%	0%	0%	0%	3,6%	0%	5,5%	3,6%	3,6%	0%
VIII	67,5%	0%	0%	2,5%	5,0%	0%	2,5%	17,5%	2,5%	2,5%
IX	67,0%	0%	0,9%	1,7%	8,2%	0%	7,0%	3,5%	5,7%	5,9%

№ ФР.	ПРОСТЫЕ ПРЕТЕРИТЫ								Л-ФОРМЫ	
	ПРИСТАВОЧНЫЕ ОСНОВЫ				БЕСПРИСТАВОЧНЫЕ ОСНОВЫ				СВ	НСВ
	СВ		НСВ		СВ		НСВ			
	АОР.	ИМП.	АОР.	ИМП.	АОР.	ИМП.	АОР.	ИМП.		

II часть

X	9,2%	0%	0,4%	0,4%	2,8%	0%	0,4%	0%	66,0%	20,8%
XI	58,3%	0%	0%	0%	4,2%	0%	3,1%	0%	28,1%	6,3%
XII	22,0%	0,6%	0%	0%	0%	0%	3,1%	0,6%	64,2%	9,4%
XIII	15,0%	0,5%	0%	0,3%	3,5%	0%	2,5%	1,3%	61,6%	15,3%

Всего в I и II частях

Абсолютные цифры

I часть	1779	4	11	49	203	0	134	165	117	59
II часть	174	3	1	2	25	0	19	6	539	134

Проценты

I часть	70,6%	0,2%	0,4%	1,9%	8,0%	0%	5,3%	6,5%	4,6%	2,3%
II часть	19,3%	0,3%	0,1%	0,2%	2,8%	0%	2,1%	0,7%	59,7%	14,8%

5. Как видно из таблицы, из всех представленных в ней форм прошедшего времени в I части ПЛ наиболее "нагруженными" являются четыре: аорист от приставочных основ СВ, аорист от бесприставочных основ СВ, аорист и имперфект от бесприставочных основ НСВ.

5.1. Бесприставочные простые претериты, составляющие в I части более 20% всех форм прошедшего времени, имеют наибольшую функциональную нагрузку: сюда относятся глаголы и СВ, и НСВ, и аорист, и имперфект. В свою очередь, НСВ оказывается здесь "весомее", чем СВ: от основ НСВ образуются как имперфект, так и аорист, тогда как от основ СВ – практически только аорист (если не считать особых случаев, о которых ниже). Визуально это можно представить следующим образом (Таблица 2):

Таблица 2

Прист. основы			Бесприст.
СВ			НСВ
аорист			
имперфект			

Примечательно, что функциональное соотношение основ с указанными характеристиками обратно пропорционально количественному соотношению образованных от них форм (т.е. приставочных глаголов в 4 раза больше, чем бесприставочных, а глаголов от основы СВ в 6 раз больше, чем от основы НСВ).

6. Эта ситуация в основном совпадает с тем, что обнаружил Р. Ружичка в ПВЛ: "Многие глаголы, которые в современном русском, украинском и белорусском языках прочно закреплены за каким-либо видом, в языке ПВЛ могли употребляться то в одном, то в другом виде" [Ружичка 1962: 309]. После перечисления пяти групп таких

глаголов Ружичка замечает: "В общем, здесь идет речь о бесприставочных глаголах". Исследователь объясняет "двойственное" употребление приведенных им глаголов тем, что "как в старославянском языке, так и в раннем древнерусском эти глаголы еще не были охвачены категорией вида, что они должны быть охарактеризованы для этой эпохи как немаркированные в отношении вида" [Ружичка 1962: 312–313]¹. Это предложение не противоречит теории Ю.С. Маслова о происхождении славянского вида [Маслов 1961]. Однако исходное состояние глагольной системы, отраженное в ПВЛ, очевидно, отличалось от того, которое имеет место в XVII в., когда писался ПЛ: "двойственное" употребление уже не могло опираться на живой язык, поскольку в нем бесприставочные глаголы уже были включены в видовое противопоставление. Поэтому в рассматриваемое время формы, образованные от основ глаголов этого типа, чтобы сохраниться в письменном языке, должны были подвергнуться определенному переосмыслению, а именно: их употребление, в свою очередь, могло быть семантически дифференцированным в отношении вида.

7. Наиболее показательны в этом отношении формы аориста и имперфекта, образованные от бесприставочных основ НСВ. Рассмотрим подробнее данную оппозицию (см. таблицу 3, повторяющую 7-ой и 8-ой столбцы таблицы 1):

Таблица 3

Бесприставочные основы	
НСВ	
аорист	имперфект

Этот раздел глагольной системы очень важен, поскольку сюда относятся, во-первых, почти все встречающиеся в тексте имперфекты, а во-вторых, относительно широко представленный, но довольно загадочный аорист от бесприставочных основ НСВ.

Относящиеся сюда лексемы делятся на три группы: а) встречающиеся только в аористе; б) только в имперфекте; в) и в аористе и в имперфекте. Наибольший интерес представляет, конечно, третья группа (в), но надо заметить, что, по-видимому, любой бесприставочный глагол НСВ, в принципе, может употребляться и в аористе, и в имперфекте, и если этого не происходит, то либо из-за отсутствия соответствующего контекста, либо в связи с трудной совместимостью лексического значения глагола и значения аориста или имперфекта. Ниже приводится список бесприставочных глаголов НСВ, встретившихся в тексте:

(а)	(б)	(в)
<i>видети</i>	<i>болети</i>	<i>бежати</i>
<i>волочити</i>	<i>боятися</i>	<i>бити</i>
<i>вредити</i>	<i>бранити</i>	<i>велети</i>
<i>гнати</i>	<i>бывати</i>	<i>вести</i>
<i>гонити</i>	<i>владети</i>	<i>воевати</i>
<i>горети</i>	<i>водити</i>	<i>глаголати</i>
<i>двигатися</i>	<i>возити</i>	<i>держати</i>
<i>делити</i>	<i>высокомышляти</i>	<i>ездити</i>
<i>ехати</i>	<i>имети</i>	<i>жаловатися</i>
<i>имати</i>	<i>искати</i>	<i>ждати</i>

¹ Поскольку существование вполне сформировавшейся категории вида в период написания ПЛ не подлежит сомнению, то перед нами, очевидно, один из самых ярких примеров действия "механизма преемственности" [Живов 1995: 47].

(а)	(б)	(в)
<i>ковати</i>	<i>кидати</i>	<i>жити</i>
<i>кончати</i>	<i>кипяти</i>	<i>звати</i>
<i>лежати</i>	<i>лазити</i>	<i>идти</i>
<i>нести</i>	<i>лити</i>	<i>любити</i>
<i>пети</i>	<i>молитися</i>	<i>мочи</i>
<i>пребывати</i>	<i>негодувати</i>	<i>мучити</i>
<i>пророчествовати</i>	<i>нуждати</i>	<i>плакати</i>
<i>свещати</i>	<i>ожидати</i>	<i>пускати</i>
<i>сидети</i>	<i>падати</i>	<i>служити</i>
<i>слышати</i>	<i>помогати</i>	<i>стояти</i>
<i>смотрети</i>	<i>помышляти</i>	<i>творити</i>
<i>царствовать</i>	<i>просити</i>	<i>ходити</i>
<i>целувати</i>	<i>процати</i>	<i>хотети</i>
	<i>рыдати</i>	
	<i>сечи</i>	
	<i>скорбити</i>	
	<i>скрежтати</i>	
	<i>страшитися</i>	
	<i>стреляти</i>	
	<i>трепетати</i>	
	<i>трястися</i>	
	<i>тужнети</i>	
	<i>учити</i>	
	<i>шататися</i>	
	<i>шибати</i>	
	<i>хракати</i>	
	<i>хоронити</i>	
	<i>являтися</i>	

Всего в группе (а) – 23 лексемы (27,4%), (б) – 38 (45,2%), (в) – 23 (27,4%). Глаголов, которые могут употребляться в аористе (группы (а) и (б)) больше, чем глаголов, встречающихся только в имперфекте.

Что объединяет группы (а) и (в), включающие глаголы, которые м о г у т употребляться в аористе? Можно отметить наличие в них глаголов, указывающих на положение или размещение субъекта в пространстве: *стояти*, *лежати*, *сидети*, *бежати*, *ходити*, *идти*, *ездити*, *ехати*. Видимо, употребление этих глаголов в аористе объясняется тем, что, в силу своего лексического значения, в определенных контекстах они могут и обычно должны обозначать процессы и состояния, л о к а л и з о в а н н ы е в о в р е м е н и. Если при таком глаголе стоит обстоятельство времени, задающее границы протекания действия, то, как правило, он употребляется в аористе. Вот примеры двух глаголов из группы (а) (*лежати* и *сидети*):

л. 281 "Бысть чудо на Москве у гроба чудотворца Петра: некая жена *лежа* два года без ног, и принесоша ю к целебному гробу святителя Христова Петра, и вскоре исцеление получи".

л. 531 "лета 7052-го преставися князь Дмитрий Андреевич углецкой... шестидесяти лет, а *сиде* в железех в тыну 54 *лета*".

По-видимому, то, что эти два глагола не встретились в имперфекте, объясняется тем, что они всегда употребляются с обстоятельством времени².

Однако данное распределение касается лишь немногих перечисленных выше

² То же самое можно сказать и о следующей паре слов: л. 78 "...При том пророчествоваша Иеремия и Варух, Ахаз *царствова* лет 80 и *месяц*". Царствование Ахаза точно локализовано во времени: в свою очередь, Иеремия и Варух пророчествовали во время его царствования.

глаголов движения и состояния. В большинстве случаев такой закономерности не наблюдается. Об этом свидетельствует большинство глаголов из группы (в). Ниже приведены примеры их употребления в тексте. В каждом примере один и тот же глагол стоит в аористе и в имперфекте.

1. **Стояти.** В статье, озаглавленной "О втором походе Ольгердове к Москве" (л. 301), автор так описывает обстоятельства осады: "А князь велики затворися во граде, а Олексей митрополит в то время бе в Нижнем, а князь Володимер собрався с силою *стояше* в Перемышле". В конце же статьи летописец подытоживает: "А *стоя* (Ольгерд. – П.П.) у Москвы 8 дней". Ср. статью "Смоленское побоище" (л. 364), где также описываются обстоятельства осады, но не как констатация факта, а в момент, предшествующий разворачиванию главных событий: "И *стояху* смоляне под городом Мстиславлем 11 дней, не успеха ничто же"³.

2. **Плакати.** (л. 266) "И приехав посланнии поведаше, яко князь Михаил избиев бысть, и *плакахуся* много неутешно".

(л. 394) "И тако тогда велики князь, любве раде иже к нему на погребение его, *зжались* по нем, прослезися и тако плака на много час".

3. **Мучити.** (л. 264) "Пойдоша ратью к городу Мстиславлю... и идуще *воеваху* землю Литовскую, а кого где изымавше, нещадно *мучаху* различными казнями..." ("Смоленское побоище").

(л. 276) "Тое же зимы выде из Орды митрополит Феофрост, *мучиша* бо его во Орде, а рекущи: "Давай дань полетнюю". Он же не вдасть, и посули посула 600 рублев".

4. **Воевати.** Имперфект см. в предыдущем примере.

(л. 308) "Того же лета князь Андрей Ольгердович полотский *воева* Ховрачь да Родень. А князь Володимер взя Ржеву".

5. **Бежати.** (л. 345) "И бывши распре между ими велице: [овии] с рухлядью вметающеся во град, а друзии из града *бежаху* ограблении суще" ("О взятии московском...").

(л. 299) "Того же лета князь велики Дмитрий собра воя много и посла на князя Михаила Тверскаго. Он же *бежа* в Литву...".

6. **Ждати.** (л. 309) "А князь Михайло того дня не бяше челом великому князю, *ждаше* бо себе помочи от литвы..." ("О походе ко Твери").

(л. 304) "Князь Михаил и послаша послов к новгородцем: "Выдайте ми тех, кто моих побил". И *жда* от них мира долго" (= не дождался).

7. **Идти.** (л. 294) "В лето 6871 князь великий Дмитрий Иванович *иде* с Москвы в Володимер з братью".

(л. 311) "В лето 6884 в Новограде в Великом река Волхов [идяше] 7 дней навспять, по третье лето уже так *идяше*".

(л. 467) "Того же лета снег паде на землю, *иде* три дни и 3 ноши, и паде его на 4 пяди, и потаял".

В ряде примеров (3, 4, 5, 6) можно отметить следующую закономерность: если глагол включен в нарративную цепочку последовательно сменяющих друг друга во времени действий, он стоит в аористе, длительное же действие, одновременное с другими действиями, передается имперфектом⁴. Тем не менее, очевидно, что это распределение проводится не последовательно (ср. примеры 1, 2). Отсюда возникает необходимость в поиске каких-то других факторов, влияющих на выбор формы. Так,

³ Пример с тем же глаголом в нарративной цепочке действий: л. 357 "И стоя церковь и образ на том месте семь лет, и згоре та церковь от свещи... и поставиша иную церковь".

⁴ Данной проблемы коснулась в упомянутой выше статье Э. Кленин, отметившая, что "prefixed verbs of motion... occur in the aorist, but not in the imperfect. Unprefixed verbs of motion occur in the aorist and in the imperfect, but in different contexts: whereas the aorist marks a single completed event involving unidirectional motion, the imperfect determined verb is durative and refers to action in progress" [Klenin 1995: 82].

Э. Кленин пишет: "Aorist/imperfect preference may also be controlled by the distributive character of the activity: the icon heals one supplicant in the aorist, but heals many sick people over many years in the imperfect, and bishop weeps in the aorist, but all the people of the household weep in the imperfect" [Klenin 1995: 83]. Действительно, как показывают некоторые примеры из ПЛ, Ольгерд "стоя у Москвы", а смоляне "стояху... под городом"; люди "плакахуся много неутешно", а князь "плака на много час". Однако критерии оценки в данном случае еще более условны, чем при разграничении законченного и длительного действия. Тем более не приходится говорить ни о каких четких правилах.

Видимо, для того, чтобы не попасть в порочный круг, необходимо понять принципиальный характер этой условности: одно и то же действие, в одной и той же ситуации (контексте) трактуется как более длительное, "массовое", если оно передается имперфектом, и как более "компактное", более четко локализованное во времени, если оно передается аористом. Форма имперфекта как бы "усиливает" значение глагола, подчеркивает продолжительность и важность обозначаемого им действия. Иными словами, сама по себе форма аориста и имперфекта может использоваться в качестве своеобразного м о д и ф и к а т о р а глагола. При этом автор текста выступает в роли и н т е р п р е т а т о р а, имеющего возможность по-разному представлять (трактовать) одно и то же действие и использующего с этой целью соответствующие традиционные книжные формы.

8. Указанные особенности функционирования простых претеритов определенно указывают на то, что в употреблении форм аориста и имперфекта могла иметь место семантическая дифференциация. Кроме того, функционирование этих форм в качестве глагольного модификатора указывает на важное отличие древнерусской литературной нормы от современной. Ведь если само окончание аориста или имперфекта могло служить модификатором соответствующего глагола, значит, в этом случае другие, обычные модификаторы, такие как наречие или обстоятельственный оборот, становились избыточными. Отсюда в летописном тексте многочисленные примеры, где глагольные предикаты употребляются без каких-либо обстоятельств или средств синтаксической связи (так сказать, автономно), в то время как современная литературная норма в подобном контексте требует их присутствия. Так, в следующих примерах имперфект, образованный от бесприставочной основы НСВ, неожиданно, на первый взгляд, появляется в нарративной цепочке, состоящей из аористов СВ:

(л. 412) "Того же лета князь Олег рязанский приде ратью к городу Любутьску, граждане же *затворишася и бяхуся* с ними из города".

(л. 265) "И взяша князя Михаила и удариша им сильно и повергоша на землю и *бяху* нещадно".

Ср. также в Мазуринском летописце сообщение о посольстве за 7124 г.: "Послы же *стояху и поидоша* от Смоленска, и посольство их не сталося" (ПСРЛ, т. XXXI, л. 269).

Такие конструкции воспринимаются сейчас как аномальные, так как без обстоятельств времени и/или каких-либо других синтаксических или лексических средств, указывающих на логическую последовательность действий (типа "*долгое время* стояли, а *потом* пошли", "*затворились, и начали биться*"), они содержат в себе, с точки зрения нынешнего читателя, противоречие и могут быть истолкованы как: "продолжая стоять, пошли", "затворились и одновременно бились из города". То, что составитель летописи не только не видел в этом недоразумения, но, возможно, наоборот, употреблял данные конструкции как специфически книжные, вероятно, было связано с особым статусом (особой семантикой) рассматриваемой группы имперфектов от неопределенных глаголов: будучи как бы имперфективами в квадрате (НСВ, непосредственно обусловленный лексической семантикой глагола, плюс имперфект, усиливающий эту семантику, дающий ей формально-книжное выражение), эти формы выражают подчеркнуто-длительное непрерывное действие и в силу этого как бы замкнуты на самих себе.

Наличие аналогичной особенности демонстрирует и аорист от бесприставочной основы НСВ в следующем примере:

л. 390 "И в некое время царь поезде на утеху и видяше ерея блуд творяше со женою, и биюще его нещадно. И как пребываше царь на одре своем, *виде* ту икону на престоле, перстом указывая ему и претяще ему..."

Здесь также следовало бы ожидать перед глаголом "пребываше" или вместо него какой-нибудь глагол СВ, обозначающий переход к новому "положению вещей": царь "на утехе" ⇒ царь "на одре своем". Но, в отличие от предыдущих примеров, форма "пребываше" здесь не замкнута на себе и слабо связана с предыдущим контекстом: она, по выражению Э. Кленин, "look forward", т.е. служит фоном для следующей глагольной формы "виде". Именно этот последний глагол является событийным центром высказывания, его смысловой "вершиной".

9. Итак, употребление форм аориста и имперфекта могло быть семантически дифференцированным. Пишущий использовал эти формы для обозначения своей трактовки описываемых событий. Иными словами, выбор формы имел содержательную направленность. Неслучайно поэтому, что преимущественное употребление одной из форм могло быть связано с определенными типами нарратива, т.е. с текстами, имеющими традиционную содержательную и языковую специфику. Так, по данным таблицы, наибольший процент имперфектов в I части ПЛ встречается в трех группах текстов: 1) описания различных бедствий, моров и т.д.; 2) описания войны, особенно осады города (ср. воинскую повесть); 3) жития святых. В I фрагменте, например, большинство приставочных имперфектов НСВ связано с описанием "мора" (ср.: "хракаху людие кровию", "умираху", "не успеваху бо живых мертвых опрятывати"). Рекордное количество имперфектов всех видов находим в V фрагменте – житии Дмитрия Донского: приставочный аорист СВ составляет здесь всего 46,8% (процент бесприставочного аориста СВ также в два раза ниже среднего в I части – 4%), бесприставочные и приставочные имперфекты НСВ составляют здесь соответственно 29,8% и 10,5%. Несмотря на относительную величину последней цифры (в 10 раз выше среднего в I части), еще раз подтверждается незаменимая роль именно бесприставочного имперфекта НСВ в рассматриваемом типе текстов. Кроме того, только здесь обнаруживается приставочный имперфект СВ – 4 формы⁵ и приставочный аорист НСВ (в плане общей экспансии НСВ в этом фрагменте) – 3 формы. Имперфект, естественно, передает здесь семантику многократного повторяющегося действия: Дмитрий "князя руския области своей крепляше, вельможам своим тихоуветлив в наряде бываше, никого же не оскорбляше, в младых словесы наказаше и всем вдоволь подоваше, к требующим руце простирааше".

Следующие по количеству имперфектов – III, VIII и II фрагменты: соответственно, повесть "О взятии московском...", житие Стефана Пермского и "Сказание о Мамаевом побоище". Пример из повести "О взятии московском...": "Егда бо татарове приступаху близ стен градных, тогда граждане стрегущии град и супротивящисии им овии стрелами стреляху со заборол, ови камением шибяху на нь, друзии же туюфки пушаше на них, а инии самострелы напинающе пушяху, и пороки пушяху, и инии великии пушки пушяху".

Ясно, что преимущественное или частое употребление имперфектов в перечисленных выше трех типах контекстов объясняется потребностью передать длительность и многократную повторяемость действий, о которых идет речь; иногда летописец придает многократный характер даже тем действиям, которые по сути не могут быть таковыми, например, Данило Феофанович "служаше государю... и голову свою складаше по чужим странам, по незнакомым местом, по неведомым местом..."

Из общего числа имперфектов в I части ПЛ более половины принадлежит фрагментам II, III, V и VIII, где батальные и агиографические сюжеты занимают значительное место.

⁵ Формы следующие: *потечаше, помиловаше, наказаше, востааше*.

10. Фрагментами со стандартным содержанием могут быть признаны, например, I, IV и VI. Процентное соотношение глагольных форм в них примерно одинаковое. Процент бесприставочных имперфектов НСВ – в 2 и более раз ниже, чем средний в I части. Остальные цифры приблизительно соответствуют средним по I части, кроме – л-форм СВ в IV фрагменте. Их здесь в два раза больше среднего (9%). Это связано с тем, что в данном фрагменте, особенно в тексте, озаглавленном "Како ходи князь велики к Новугороду к Великому", встречается множество клишированных выражений, связанных с официальным (дипломатическим) языком: через них-то в основном и проникают в текст л-формы, например:

л. 362 "Тогда же предиреченные послы новгородские, ехав на Понеделье, *добили челом великому князю Дмитрею Ивановичу за Великий Новгород и мир взяли по старине. А за винные люди докончали за воложан и кто в путь с ними ходил, и тех, за кем князьчина залегла, 8000 рублей и черной бор князю великому с них взяти*"⁶.

11. Заканчивая разбор I части ПЛ, необходимо особо отметить IX фрагмент, так как он по ряду очень существенных показателей отличается от предшествующего текста и представляет собой в определенном смысле как бы переходное звено между I и II частями ПЛ.

Характерна сама структура этого фрагмента: в основном он состоит из коротких отрывочных сообщений, не связанных друг с другом по содержанию, например: "Тое же зимы царь Шадибек убил царя Тахтамышя в Сибирской земли". Многие сообщения строятся по следующей модели: краткий заголовок (выделенный кинварью) плюс краткое сообщение. Это напоминает принцип подачи новостей в телепрограммах. Вот перечень заголовков некоторых сообщений, следующих друг за другом: "О Вознесении" (т.е. о церкви Вознесения), "О Одуеве", "О великой княгине преставлении", "О Пскове", "О великих князех брани", "О рязанских князех", "О пожаре ростовском", "О Швитригайле, о князех литовских", "О тверских князех" и т.п. Вероятно, они служат не столько заголовками, сколько границами между разными сообщениями.

Бросается в глаза различная география "новостей". Очевидно, это обусловлено тем, что у составителя летописи появилась возможность доступа к большому числу источников, и притом из самых разных мест. Но повествование в таком виде просто теряет смысл, становится аморфным. Несомненно, тут возникает необходимость в поиске новых принципов построения текста и подбора материала для повествования, т.е. новой нарративной стратегии. Если же учесть, что хронологически этот фрагмент

⁶ Вообще, особенности функционирования л-форм и простых претеритов – отдельная тема. Так, вопреки распространенному мнению о том, что оппозиция "простые претериты/л-формы" соответствует оппозиции "высокое/низкое", их употребление во II части ПЛ, где л-формы преобладают, позволяет предположить, что в данном тексте использование простых претеритов связано с моральной оценкой в о б щ е, и в особенности с н е г а т и в н о й оценкой, с осуждением. На это указывают многочисленные примеры, где действия "злодеев", преступников передаются аористом, а государя – л-формами. Возможно также, что л-формы как бы выделяют действие самого великого князя среди прочих, являющегося его своеобразной "привилегией". Например, роль "лихих людей" в истории отношений Ивана Грозного и Елены Глинской с Андреем Старицким летописец характеризует так:

л. 500 "И к тому присташа лихие люди и навадиша на князя Андрея великому князю, а князю Андрею сказаша на великого князя, что хочет его князь велики поимати". – Далее описываются действия Грозного и Елены, их встреча с Андреем Старицким. – все в л-формах, – и снова козни "лихих людей": (л. 500) "И к тому присташа лихие люди и начаша сказывати на князя Андрея великому князю, что князь Андрей хочет бежати".

Еще пример: л. 531 "Тоя же зимы декаврия в 29 день князь велики Иван Васильевич всеа Руси, не мога терпети, что бояре безчиние и самовольство чинят без великого князя веления своим советом единомышленнх своих советников, многие убийства сотвориша и многие неправды земле учиниша в государеве младости, и великий государь велел поимати первово советника их князя Андрея Шуйского и велел его предати псарем. И псаря взяша и убиша его...".

С подобными же контекстами связаны и многие "аористные островки", например, небольшой текст "О опришнине" с ее явным осуждением (снова виноваты "лихие люди"). Ср. еще замечание летописца после записи крестного целования бояр Василию Шуйскому:

л. 655 "Во всем том солгаша и крестное целование преступиша и наипаче записи солгаша: постригли и с царицею в Литву королю в холопи отдаша лета 7118 июля 17 день".

относится к концу XIV – началу XV в., т.е. ко времени создания первых общерусских летописных сводов, то можно предположить, что данный тип текста представляет собой один из первых ("экспериментальных") подходов к созданию общерусского свода, в условиях, когда фактический материал более или менее доступен, но нет единой идеологической доктрины, способной его упорядочить.

Лингвистические параметры IX фрагмента приводятся ниже в сопоставлении с соответствующими данными по предыдущему тексту (см. таблицу 4):

Таблица 4

№ ФР.	ПРОСТЫЕ ПРЕТЕРИТЫ								Л-ФОРМЫ	
	ПРИСТАВОЧНЫЕ ОСНОВЫ				БЕСПРИСТАВОЧНЫЕ ОСНОВЫ				СВ	НСВ
	СВ		НСВ		СВ		НСВ			
	АОР.	ИМП.	АОР.	ИМП.	АОР.	ИМП.	АОР.	ИМП.		
I-VIII	71,8%	0,2%	0,3%	2,0%	8,0%	0%	4,7%	7,6%	4,3%	1,1%
IX	67,0%	0%	0,9%	1,7%	8,2%	0%	7,0%	3,5%	5,7%	5,9%

Самое существенное отличие IX фрагмента – увеличение л-форм почти до 12%. Но и другие (в определенной мере связанные с предыдущим) показатели заслуживают не меньшего внимания. Это: 1) уменьшение количества приставочных аористов СВ; 2) увеличение количества приставочных аористов НСВ; 3) увеличение количества бесприставочных аористов НСВ и – что самое интересное – 4) разительное уменьшение количества бесприставочных имперфектов НСВ и, соответственно (как на качелях), 5) увеличение количества л-форм в 6 раз! Последние два пункта особенно интересны, поскольку аналогичное явление отмечено В.М. Живовым в Мазуринском летописце, а именно: "л-формы вытесняют имперфект в несколько большей степени, чем аорист" [Живов 1995: 61]. Следовательно, явление, о котором идет речь, – не случайность.

Но для того, чтобы разобраться в этом, нужно сначала отдельно рассмотреть ситуацию с простыми претеритами в ПЛ. В нижеследующей таблице (см. таблицу 5) указано их процентное соотношение в I–XIII фр. (сначала идут абсолютные цифры, затем проценты, указывающих на долю каждого класса в общем числе простых претеритов):

Таблица 5

№ ФР.	ПРОСТЫЕ ПРЕТЕРИТЫ							
	ПРИСТАВОЧНЫЕ ОСНОВЫ				БЕСПРИСТАВОЧНЫЕ ОСНОВЫ			
	СВ		НСВ		СВ		НСВ	
	АОР.	ИМП.	АОР.	ИМП.	АОР.	ИМП.	АОР.	ИМП.
I-VIII	1345	4	5	38	150	0	88	142
IX	434	0	6	11	53	0	46	23
X-XIII	174	3	1	2	25	0	19	6
I-VIII	80,4%	0,2%	0,3%	2,3%	9,0%	0%	5,3%	8,5%
IX	75,7%	0%	1,0%	1,9%	9,2%	0%	8,0%	4,0%
X-XIII	75,7%	1,3%	0,4%	0,9%	10,9%	0%	8,3%	2,6%

Как видно, данные IX фрагмента иногда соответствуют аналогичным изменениям во II части и даже как бы "предвосхищают" их, но иногда расходятся с ними и

отличаются любопытным своеобразием, поскольку во II части серьезные коррективы в распределение простых претеритов вносит обильное присутствие л-форм (ок. 75%).

Итак, приведенная выше таблица 5 демонстрирует следующие особенности функционирования простых претеритов в ПЛ.

1) Количество форм, принадлежащих к самому многочисленному первому столбцу таблицы 5, уменьшается почти на 5% в IX—XIII фрагментах.

2) В X—XII фрагментах резко увеличивается количество приставочных имперфектов СВ, которые в I части встречаются лишь в житии Дмитрия Донского. Это говорит об увеличении ошибок.

3) В IX фрагменте вдруг заявляет о себе третий столбец таблицы 5: его показатель достигает 1%. Все 6 относящихся сюда форм образованы от основ НСВ с общефактическим значением, причем все эти глаголы, по терминологии Е.В. Падучевой [Падучева 1986], двунаправленные: 5 из них — *приходи(ша)*, 1 — *приступа*. Своеобразие этих форм заключается в том, что их можно в определенной мере считать "переходными": они практически не встречаются в "старых" летописных памятниках типа ПВЛ (I—VIII фрагменты ПЛ), поскольку этот тип текста в принципе исключает появление форм прошедшего несовершенного с общефактическим значением; в текстах же типа II части ПЛ общефактические глаголы, напротив, становятся едва ли не одной из основных форм прошедшего времени, но здесь указанные формы сменяются л-формами. Таким образом, "расцвет" форм типа *приходи(ша)* можно приблизительно отнести к XV веку, т.е. ко времени создания первых общерусских летописных сводов в Северо-Восточной Руси, о чем свидетельствует не только IX фрагмент ПЛ, но и такой памятник, например, как Софийская I летопись по списку Царского (ПСРЛ, т. XXXIX).

Тот факт, что аорист НСВ используется для передачи "аористического" (по А.В. Бондарко) частного значения прошедшего НС, еще раз говорит о том, что древнерусский автор осмысленно употреблял глагольные формы.

Кроме того, появление форм типа *приходи(ша)* — это очень важный сигнал о радикальном изменении характера повествования не только с формальной стороны, но и в плане прагматики, на чем я постараюсь подробнее остановиться ниже.

4) Все фрагменты объединяет одна общая тенденция: количество имперфектов от основ НСВ, как приставочных, так и бесприставочных, резко падает (приставочные: $2,3\% \Rightarrow 1,9\% \Rightarrow 0,9\%$; бесприставочные: $8,5\% \Rightarrow 4,0\% \Rightarrow 2,6\%$). Выше уже говорилось, с чем это связано. Однако примечательно то, что в IX фрагменте количество имперфектов от бесприставочных основ НСВ по сравнению с I—VIII фрагментами падает более, чем в 2 раза, тогда как количество имперфектов от приставочных основ НСВ остается практически на том же уровне. Можно даже сказать, что на фоне общего уменьшения количества имперфектов роль и место приставочных НСВ в глагольной системе IX фрагмента становятся более "видными" в прямом и переносном смысле. Автор IX фрагмента свободно образует имперфекты от приставочных основ НСВ, т.е. от *предельных* глаголов. Видовая характеристика глагола является для него важнейшим фактором в выборе формы претерита, а все прочие факторы, в том числе фактор традиции, ограничивавшей, как говорилось выше, употребление имперфектов определенными типами нарратива и предписавшей образовывать их преимущественно от *непредельных* глаголов (бесприставочных), отходят на второй план.

Вообще, IX фрагмент отличается на фоне прочих фрагментов исключительной правильностью в образовании и функционировании глагольных форм. Так, например, здесь не встретилось ни одной (ошибочной) формы имперфекта от приставочной основы СВ (в X—XIII фрагментах — 1,3). Третий столбец таблицы лишь подтверждает это наблюдение, так как представленные в нем формы, в силу своей явной осмысленности и регулярности, не могут быть признаны случайными, т.е. ошибочными. В целом, IX фрагмент наиболее близок к идеальной модели гибридного текста, в

котором формы аориста и имперфекта являются производными, соответственно, от основ СВ и НСВ (см. [Живов 1995]).

Поскольку в ПЛ почти весь текст за XV век отсутствует (IX фрагмент — лишь его начало, а дальше сразу идет царствование Ивана Грозного, где текст принципиально иной), интересно было бы исследовать те летописи, где текст за XV век сохранился полностью, причем в наиболее адекватном виде, например, недавно изданную Софийскую I летопись по списку Царского.

12. Как уже отмечалось выше, одна из основных особенностей IX фрагмента — использование форм прошедшего НС с общефактическим значением при пересказе событий прошлого. Чем объясняется такое изменение в нарративной технике? Для того, чтобы понять это, необходим небольшой экскурс в современную лингвистику текста.

Как известно, современная теория времен, основоположником которой является Х. Рейхенбах, оперирует тремя понятиями: событие, момент речи и момент референции, соотношения, т.е. позиция ("точка отсчета", "точка зрения"), с которой наблюдатель рассматривает событие. "Последний, — по словам Ю.С. Маслова [ЛЭС: 89], — может совпадать с моментом события (например, в простом прошедшем времени английского языка, в будущем времени), или с моментом речи (в английском языке Present Perfect), или с тем и другим моментом сразу (в настоящем времени) или не совпадать ни с тем, ни с другим (например, в плюсквамперфекте, в котором все три момента выстраиваются в последовательность E—R—S (Event—Reference—Speech. — П.П.))".

Эта концепция активно используется в настоящее время в лингвистике текста. Так, Ю.С. Маслов в статье под названием "Время" [ЛЭС: 89] отмечает: «Перспективно рассмотрение категории В. с позиции лингвистики текста, основанное на отграничении эпического повествования от других видов сообщений. Предшественником этого подхода был А. Белич, выделивший сферу "синтаксического индикатива", в котором употребление всех форм В. соотносено с реальным моментом речи, и сферу "синтаксического релятива", в которой прошлое как бы полностью отрешено от реального настоящего и изображается само по себе. Э. Бенвенист разграничил "план речи", использующий во французском языке все времена, кроме "аориста" (*passé simple*), и все три грамматических лица, и "план истории", использующий только "повествовательные" времена (во французском языке — аорист, имперфект, плюсквамперфект, конструкцию "*J'allait partir*", но не сложный перфект) и — в чистом случае — только 3 лицо ед. и мн. ч.⁷ Х. Вайнрих на материале ряда романских и германских языков разработал концепцию, соответственно противопоставляющую времена "обсуждаемого" и времена "повествуемого" мира (*besprochene und erzählte Welt*)).

Е.В. Падучева ввела понятие "режим интерпретации", в котором различаются "речевой режим" и "нарративный". "Режим интерпретации" непосредственно связан с моментом референции, или, по терминологии Падучевой, "точкой отсчета". В статье "Семантика вида и точка отсчета (В поисках инварианта видового значения)" исследовательница пишет: «Фраза "На стене справа висела картина" допускает два понимания: одно с синхронной точки зрения (картина находится перед глазами наблюдателя в описываемый момент в прошлом), актуально-длительное, а другое — с ретро-

⁷ Исторический план сообщения, в настоящее время закрепленный за письменным языком, характеризует повествование о событиях прошлого. Следует также подчеркнуть эти три термина — "повествование", "событие", "прошлое". Речь при этом идет о передаче фактов, происшедших в определенный момент времени, без какого-либо вмешательства в повествование со стороны говорящего. Чтобы быть зафиксированными как уже происшедшее, эти факты должны принадлежать прошлому. Лучше было бы сказать, по-видимому, так: с того момента, как факты зарегистрированы и переданы в историческом плане сообщения, они тем самым характеризуются как прошлое. Историческая целевая установка составляет одну из важнейших функций языка; эта функция сообщает языку особые временные характеристики...» [Бенвенист 1974: 271—272].

спективной (говорящий понимает, что *когда-то* висела картина, но в описываемый момент не висит), общефактическое» [Падучева 1986: 415]. Вежица называет актуально-длительное значение НСВ (в противоположность общефактическому) синхронным (the contemporaneous meaning). Об этом последнем Е.В. Падучева пишет: «В предложении (1) "На стене справа висела картина" с синхронной точкой отсчета при прошедшем времени глагола категория времени имеет вторичную функцию. В самом деле, нормально ситуация с глаголом в прошедшем времени предшествует моменту речи, а если точка отсчета совпадает с моментом речи, то и точке отсчета. Синхронная точка отсчета в (1) возникает в силу того, что можно назвать *нарративным режимом* повествования. Нарративный режим (эпический стиль) характеризуется тем, что отношение текста к речевой ситуации, а следовательно, и к моменту речи для него не существует... Прошедшее время в нарративном режиме выполняет чисто дейктическую функцию "отстранения" времени персонажей от реального времени автора» [Там же: 416].

Под ретроспективными значениями НСВ подразумеваются общефактические частные значения НСВ: "Все так называемые общефактические значения НСВ — это значения, возникающие в контексте ретроспекции" (по Падучевой, эти значения: непредельное, двунаправленное и нерезультативное). "При СВ точка отсчета всегда ретроспективна по отношению к ситуации, обозначаемой глаголом" [Падучева 1986: 415].

Итак, в нарративном режиме прошедшее время НСВ не означает предшествования. Если же мы вновь обратимся к ПЛ, то увидим, что явная экспансия форм прошедшего НС в IX—XIV фрагментах обусловлена увеличением количества глаголов НСВ с ретроспективными (т.е. общефактическими, а не синхронными) значениями (на данную связь указал В.М. Живов [Живов 1995: 74]). Причем это касается всех форм, образованных от основы НСВ, — как простых претеритов, так и л-форм.

Отсюда следует важный вывод: не только проникновение в текст л-форм обуславливает экспансию НСВ (как справедливо отмечает В.М. Живов [Живов 1995: 69]), но есть и обратное влияние: употребление л-форм обусловлено потребностью выразить новые, необычные для традиционного книжного текста смысловые категории. Имеющие место изменения связаны не столько с формальной стороной функционирования глагольной системы, сколько с переменной "точки зрения" автора. Свой предположения о том, чем, в свою очередь, обусловлена эта перемена "точки отсчета", и какие историко-культурологические выводы отсюда можно сделать, я постараюсь изложить ниже.

13. В IX фрагменте общефактическое значение имеют: 1) все аористы от приставочных основ НСВ (как уже говорилось, все 6 глаголов — двунаправленные); 2) более половины аористов от бесприставочных основ НСВ (наиболее частые: *ходи(ша)*, *езди(ша)*, *еха(ша)*); 3) все без исключения л-формы НСВ [наиболее частые лексемы: *ездити*, *приезжати*, *посылати*, *ходити*, *приходити*, *видети*, *целовати* (*крест*)].

Все аористы НСВ, естественно, образуются от соответствующих л-форм простым отбрасыванием конечной л. При этом семантика остается неизменной. Значительная часть аористов СВ (особенно приставочных) образуется таким же способом, ср. формы: *отъеха*, *приеха*, *убежа*, *продаша* и т.п. Они также "наследуют" семантику л-форм — перфективную. Так, после рассказа о чудесном рождении Василия III летописец замечает: (л. 460) "Мне же о сем Стефан диакон сказа, а о прежнем проречении старца Дементей печатник, а ему сказаша, поведа великая княгиня Мария". Семантические различия между простыми претеритами и л-формами стираются: они функционируют как варианты.

Имперфекты в IX фрагменте в основном имеют синхронное значение⁸.

⁸ Есть лишь редкие исключения, например: (л. 427) "Знамение. В лета 6910 месяца марта являшеся на западе в вечернюю зорю звезда немала копейным образом...". Выбор имперфекта, видимо, обусловлен здесь многократностью действия, так как ниже летописец отмечает: "юже (звезде. — П.П.) видехом (1 л!) по 12 дний и тако восходяще и сияюще" (при ретроспекции, по Падучевой, противопоставление по кратности нейтрализуется).

Все перечисленные особенности IX фрагмента очевидным образом связаны с тем, что он весь, как говорилось выше, состоит из коротких отрывочных сообщений. В рамках данной нарративной стратегии требуется как можно короче излагать информацию. С этой точки зрения очень удобны двунаправленные глаголы. Ведь один такой глагол содержит как бы краткий текст, "историю", например, *приходи(л)* значит "N пришел, был некоторое время в L и ушел обратно". Один интересный пример как бы сталкивает два способа изложения событий — традиционный и тот, что мы находим в IX фрагменте:

л. 478 "В лета 6937 *приходиша* татарове к Галичу, града не взяша, а волости повоеваша. На крещении же *придоша* изгоном на Кострому и попленивши *отъидоша* на низ Волгою".

Глагол "приходиша" как будто снабжается толкованием на манер Вежбицкой или Мельчука; "придоша ⇒ отъидоша". Семантическая "компактность" двунаправленных глаголов умело используется летописцем; к той информации, которая в них заложена, обычно прибавляется лишь краткий "комментарий" (ср. структуру теле- и газетных новостей). Примеры:

л. 442 "Князь Константин Дмитриевич *ходи* псковичем на помощь (киноварью. — П.П.). Тое же зимы псковичи *приходиша* к великому князю просити помощи на немцы, и посла к ним брата своего Константина Дмитриевича, и пребысть там мало не весь год в Пскове".

л. 417 "Княгини великая Софья была у отца Витофти (киноварью). Тое же зимы княгиня великая Софья Васильевна Дмитриевича ездила в Смоленск к отцу своему к великому князю Витофту и к матери своей и з детьми своими и з бояры многими. И пребысть тамо две недели и отпущена бысть честно и со многими дары".

Итак, имеющие место в IX фрагменте ПЛ изменения в нарративной стратегии позволяют рассматривать его как своеобразное переходное звено между теми типами текстов, которые мы находим в ПЛ до него и после (именно поэтому ему уделено особенно пристальное внимание). Эти изменения проявляются как в употреблении определенных грамматических форм, так и в общей структуре текста, причем они непосредственно обусловлены "макроструктурными" изменениями в тексте: переменой "точки зрения" автора на описываемые события и соответствующей переменной "плана сообщения" (Бенвенист), или "режима повествования" (Падучева). В частности, на уровне глагольных предикатов эти изменения требуют введения в текст нового класса глаголов НСВ — общефактических глаголов. А поскольку глаголы этого класса, как правило, отсутствовали в текстах, служивших для пишущего образцом, именно они чаще всего попадают в разряд л-форм в тексте с преобладанием простых претеритов (типа того, который находим в IX фр.). Тем больший интерес представляют собой формы типа *приходи(ша)*: во-первых, то, что к глаголу НСВ с общефактическим значением (т.е. со значением законченного действия) пишущий "присоединяет" окончание а о р и с т а, — еще один аргумент в пользу гипотезы о наличии семантической дифференциации в употреблении простых претеритов; во-вторых, эти формы можно рассматривать как "переходные" в ряду: *приде ⇒ приходи ⇒ приходил*, где первая форма — наиболее характерная для предшествующих девятому фрагментов, а последняя — для последующих.

14. Таким образом, если в IX фр. формы типа *приходи/приходил* функционируют как равнодопустимые варианты (ср.: л. 475 "Ходи Витофт на Псков. О Опочках (киноварью). Того же лета князь великий литовский Витофт ходил на Псков со многими силами...", то во II части ПЛ выбор уже окончательно сделан в пользу второго варианта. Перехожу к ее рассмотрению.

Во второй части различаются: 1) X—XIII фрагменты, где простые претериты составляют более четверти всех форм прошедшего времени и 2) XIV фрагмент (Смута) — менее 10% простых претеритов.

В X—XIII фрагментах практически на равных функционируют три формы прошед-

шего времени: л-форма, аорист и настоящее историческое. Так, в рассказе "Поход царя и великого князя к Казани" (л. 556—565) л-формы составляют 65%, аорист — 24,5%, настоящее историческое — 10,5% (!), имперфект — лишь 1% (2 формы от бесприставочной основы НСВ). В указанной статье Е.В. Падучева отмечает: "Парным к нарративному прошедшему является настоящее историческое, которое тоже не выражает отношения совпадения с моментом речи" [Падучева 1986: 416], т.е. функционирует в "нарративном режиме". Из основ НСВ (их здесь 23,4%) половина принадлежит л-формам, половина — настоящему историческому; они могут иметь как актуально-длительное, так и общефактическое значение. Их функции в тексте (the discourse function) совпадают, т.е. фактически они функционируют как варианты. Красноречивы следующие два примера:

л. 559 "И князь велики по вся ночи ездил по полком: *назирает*".

л. 564 "И как *выезжает* к Москве, и тут его *встречают* народы без числа, кричаху: "Многа лета царю благочестивому!..."

Эти примеры демонстрируют функциональное тождество и взаимозаменяемость трех форм НСВ: имперфекта, л-формы и настоящего исторического.

Тем не менее, можно выделить некоторые характерные для настоящего исторического контексты. Так, по-видимому, оно может употребляться в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть важность какого-то события. Например, родословный список русских князей предвार्шается эпизодом призвания варягов:

л. 598 "Лета 6369-го некий воевода Новгорода Великого именем Гостомысл скончавает (!) житие свое, и в та лета нача во граде быти межусобица и кровь проливатися. И созывает наугородцов и рече им..."

Вообще, арсенал выразительных средств становится более разнообразным, например, встречается синтаксический эллипсис:

л. 556 "В большом полку князь Иван Мстиславской да князь Михайло Воротынской и по иным полком воеводы".

Ср. описание "боевого порядка" русских полков при осаде Казани: (л. 557) "А на Арском стати большому полку да передовому, а правой руке за Казанию, а сторожевому полку на усть Булака, а левой руке выше его". Временами текст совсем близок к разговорному языку: (л. 557) "И тут ис Казани выласка, и стали стреляти по полком".

Своеобразно оживлять повествование может и настоящее совершенное в потенциальном значении (по А.В. Бондарко):

л. 658 "И как де свет *пойдет* к верху, ино де *осветит* верх весь и всю церковь, а как де свет *пойдет* книзу, ино де *осветит* помост весь церковной".

15. Изучая языковую специфику летописи, закономерности в изменении нарративной стратегии, нельзя обойти стороной вопросы, касающиеся прагматики текста. Так, в частности, во II части ПЛ заметны существенные изменения в структуре речевых актов, передающих последовательность действий.

Как указывает Тойн А. Ван Дейк, "по-видимому, есть основания считать, что действия и последовательности действий имеют иерархическую структуру (курсив ван Дейка. — П.П.). То, что на одном уровне — цели, интерпретации или описания — представляет собой последовательность действий, на другом уровне может считаться одним более общим действием, включающим целую систему условий и возможностей" [van Dijk 1974: 290]. Действительно, способ представления действия или последовательности действий во II части ПЛ явно отличается от того, который находим в первых фрагментах летописи. Однако в нашем случае, видимо, можно утверждать, что способ представления действия органически связан с представлением о времени как таковом, характерным для пишущего как представителя определенной культуры и мировоззрения, и в силу этого является существенной частью его "картины мира" (поскольку ясно, что в летописи, ввиду ее гетерогенности, могут быть представлены разные "картины мира").

А.Я. Гуревич дает такие характеристики раннесредневековому представлению о

времени: «скачкообразность... протекания, нечеткое понимание последовательности временных моментов, вещественное осознание времени, сопряженное с отсутствием абстракции "время"» [Гуревич 1984: 152] (эти черты характерны, по Гуревичу, и для "примитивного" искусства). К подобному заключению пришел и И.Г. Еремин после изучения ПВЛ. Мышление ("путь") летописца он описывает так: "От одного единичного факта к другому, от фрагмента к фрагменту; время — единственная активная категория его исторического сознания — исключало для него возможность прагматического синтеза" [Еремин 1966: 75].

Такую же картину мы в основном находим и в I части ПЛ. Но уже в IX фрагменте "прагматический синтез" вполне возможен. Как уже говорилось, несколько действий, составляющих одно событие, например роспись церкви или пожар, может "раскладываться на составляющие":

л. 432 "О *благовецехъ* (киноварю). Тое же весны *начаша* подписывати церковь Благовецехъ на великого князя на дворе первую, не ту, иже ныне стоит, да и *скончаша*".

л. 470 "Того же лета Москва город погоре месяца августа во 18 день, в *полночь* *загорелося*, а на завтра о полудни преста гореть".

Во II части количество подобных примеров еще более увеличивается:

л. 495 "Воеводы же королевы от Готы *пошли* к Стародубу, а *пришли* к Стародубу месяца июля со всем королевым нарядом...". В больших количествах появляются фазовые, особенно начинательные, глаголы. Так, в рассказе о создании ополчения в Нижнем Новгороде во время польской интервенции глагол *почати* составляет ровно половину от всех форм прошедшего времени (15 из 30-ти). Доминирующая конструкция здесь — *почати* + инфинитив. В зависимости от способа действия глагола в инфинитиве и от выбора автора могут реализовываться различные варианты:

1) в случае с неопредельным глаголом, как правило, отмечается начало состояния: "почал голод быти великой";

2) с предельным глаголом: а) указывается только начальная фаза действия, а достижение результата как бы подразумевается, например: "И *почал* (Минин) в Новгороде казну избирати з гостей и с торговых людей" ⇒ (собрал) ⇒ "и *почал* давати ту казну бедным людям";

б) особо указываются и начало действия, и достижение результата: "И *почали* всем градом выбирати к тем людям воеводу. И выбрали... князя Дмитрея Михайловича Пожарского".

16. Каждое значительное событие излагается здесь подробно и а н а л и з и р у е т с я. Но анализирование обязательно требует хотя бы скрытого (за кадром) присутствия того, кто анализирует. Следовательно, еще одна отличительная черта II части — это принципиально новое представление об авторстве. В отличие от повествования, относящегося, по Бенвенисту, к плану истории⁹; в данном тексте явно ощущается присутствие внешнего наблюдателя, рассказчика, очевидца описываемых событий.

17. По мнению Т.А. ван Дейка, "важную прагматическую функцию выполняет не только внутренняя структура отдельного предложения, но и структура всей последовательности связанного текста в целом" [van Dijk 1975: 315]. Исследователь полагает,

⁹ По сути дела, в историческом повествовании нет больше и самого рассказчика. События изложены так, как они происходили по мере появления на исторической арене. Никто ни о чем не говорит, кажется, что события рассказывают о себе сами" [Бенвенист 1974: 276].

Между прочим, в этом смысле два "плана сообщения", или два "режима повествования" очень напоминают обратную и линейную перспективы в живописи: в первом случае художник находится как бы внутри картины, или, лучше сказать, он вообще отсутствует как наблюдатель, имеющий собственную "точку зрения"; во втором же случае живописец и зритель отделены от изображаемого, "точкой отсчета" для живописца становится он сам, его собственный взгляд, соответственно, изображение строится исходя из его индивидуального видения.

что то или иное отображение в текст некоторого порядка следования фактов "среди прочего, определяется факторами, связанными с тем, что попадает в фокус в процессе формирования высказывания" [Там же: 308]. Для монологической речи выделяются следующие три фактора:

А. порядок следования фактов

В. порядок следования процессов наблюдения/восприятия/понимания

С. порядок следования знания/передачи информации.

По ван Дейку, "факторы А и В имеют семантическую природу, фактор С — прагматико-семантическую или контекстно-семантическую... Фактор А касается отношений между фактами, а также порядка их следования друг за другом в некотором возможном мире. При отображении этого порядка в текст образцом служит некоторый *нормальный порядок* (курсив ван Дейка. — П.П.)" [van Dijk 1975: 308]. Отсюда "нормальным" считается "отображение, сохраняющее порядок следования фактов".

"Фактор В... вовлекает в рассмотрение эпистемологический аспект восприятия и понимания. Дело в том, что структура наших познавательных процессов, по-видимому, не может полностью определяться порядком следования фактов как таковым: важно то, каким их порядок представляется нам..." [Там же: 309]. В силу этого, "порядок наших наблюдений и/или нашей интерпретации отношений между фактами в свою очередь тоже может находиться в фокусе нашего сообщения..." [Там же: 309]. Этот порядок ван Дейк называет "эпистемическим"; "в противном случае (т.е. когда порядок восприятия нерелевантен) эпистемический порядок совпадает с действительным (который считается нормальным)" [Там же: 309—310].

Представляется, что приведенные выше наблюдения могут оказаться очень полезными при лингвистическом изучении древнерусских письменных памятников вообще, и летописных в частности. Так, Э. Кленин считает, что для древнерусского нарративного текста нормальным было совпадение порядка следования фактов и порядка наблюдений, отсюда строго линейная последовательность высказываний; при этом основное время нарратива — аорист (ср. концепцию Бенвениста [Бенвенист 1974]). Соответственно случаи употребления перфекта связываются с разного рода нарушениями этого нарративного принципа. Таким образом, система глагольных форм прошедшего времени и ее функционирование связываются с разными типами последовательности предложений, отсюда же выводятся значения аориста и перфекта для соответствующего периода, ср.: «resultative and non actual perfects, in spite of their evident differences, share a discourse function that distinguishes them from the aorist: whereas the aorist is the OR narrative tense par excellence, linking chains of events into a single, uniform sequence, the perfect resists such inclusion in the narrative chain, but rather presents events in, roughly, a "summary" form, inviting the hearer to review events either already stored in memory or, if new, then immediately available for achronological processing». Ниже Э. Кленин отмечает, что перфект "has... a tendency to present events not as they occurred in time but as they are reviewed in memory, in an apparently non linear mode of mental processing" [Klenin 1993: 333—334].

Если в Лаврентьевской летописи, которой посвящено исследование Э. Кленин, случаи нарушения "нарративного" порядка следования фактов единичны, то в последних частях ПЛ, напротив, именно такие "нарушения" ставятся нормой, то есть порядок изложения фактов определяется (по ван Дейку) факторами В и С. Выше, в IX фрагменте, мы уже сталкивались с одним из проявлений этого, наблюдая, как активно автор использует в повествовании общефактические (особенно двунаправленные) глаголы. Как уже отмечалось, эти глаголы позволяют излагать события более "компактно", а это возможно потому, что они как бы "забегают вперед", заранее сообщая исход того события, о котором подробнее идет речь впереди.

Другие случаи употребления л-форм в IX фр. также, как правило, встречаются в тех последовательностях предложений, где порядок наблюдения не совпадает с порядком следования фактов, например:

л. 431 "О архиепископе Иване (киноварью). Того же лета Кипреян митрополит

отпусти в Новгород Ивана архиепископа, а был на Москве в поимании 3 лета и месяц 6, а сидел в монастыре у Николы у Старово. Того же лета июля во 8 день Кипреян митрополит поеха в Литву к Витофту да и на Киев."

л. 445 "*Царь Шадибек в Смоленске* (киноварью)... Князь же Юрьи сослался з горожаны, а они не можаху терпети насильства от поганых ляхов и предашася князю Юрьи, отвориша ему город, а в граде сидел тогда от Витофта князь Роман Михайлович дбрянский, и наместницы Витофтовы поимаша, князя жь Романа убиша и бояр побиша дбрянских и смоленских, которые князя Романа не хотели, а княгиню Романову и дети отпустиша."

В приведенных примерах очевидно значение "фактора В". Однако в процессе формирования данных высказывании не меньшую роль играет и "фактор С", тоже подразумевающий, по ван Дейку, «некоторый "нормальный" порядок, однако на этот раз он должен основываться не на порядке самих фактов или порядке их интерпретации говорящим, но на его представлениях о содержании системы знаний слушающего, а именно: первым говорится то, что слушающему уже известно» [van Dijk 1975: 310—311].

В поздних частях летописи влияние фактора С обнаруживается на нескольких уровнях.

Во-первых, в большинстве случаев, где перфект встречается в нарративном ряду аористов, "нарушая" этот ряд, начиная с древнейших текстов (см. [Klenin 1993, примеры 1—9]) и кончая такими поздними как ПЛ, перфект, как правило, стоит в придаточном предложении, а по ван Дейку "сам факт появления некоторой информации в придаточном предложении указывает на то, что эта информация является пресуппозицией" [van Dijk 1975: 311] (прагматической, т.е. известна как говорящему, так и слушающему). Так, в последнем примере пресуппозицией придаточного "которые князя Романа не хотели" является суждение о том, что существовали бояре, враждебно настроенные к князю Роману.

Во-вторых, как уже отмечалось при разборе IX фрагмента, в нем активно используются выделенные кинварью заголовки. Но ведь эти заголовки тоже являются не чем иным, как средством указания на те знания, которые уже имеются у читателя и которые он должен извлечь из своей памяти, прежде чем читать соответствующий отрывок. Так, заголовок "О архиепископе Иванне" предполагает, что читателю известно, кто такой архиепископ Иван. Таким образом, система знаний читателя входит как бы составной частью в структуру самого текста, определяет эту структуру, и это, безусловно, крайне важный момент.

Наконец, в-третьих, можно констатировать, что летописец идет в этом направлении еще дальше, так как расширенное употребление общефактических глаголов, их претензии в некоторых случаях стать полноправными нарративными формами наравне с глаголами СВ обнаруживает у автора тенденцию представлять все излагаемые события как уже известные читателю. Дело в том, что, согласно А. Вежбицкой, на глубинном уровне семантики СВ связан с определенным артиклем, а НСВ — с неопределенным [Wierzbicka 1967]. При этом, как утверждает Х. Вайнрих, "функция определенного артикля состоит в направлении внимания на пред-информацию, а неопределенного — на пост-информацию" [Weinrich 1971: 386]. "В тексте не может быть слишком много показателей нового, поэтому число определенных артиклей намного превышает число неопределенных" [Николаева 1978: 24—25]. Между тем, если отнестись сказанное к глаголам НСВ, то станет ясно, что в ПЛ начиная с IX фрагмента "слишком много показателей нового". Вывод состоит, по-видимому, в следующем: по замыслу автора, отсутствие в н у т р и т е к с т о в о й пред-информации компенсируется у того, кому предназначен текст (у читателя), наличием в н е т е к с т о в о й пред-информации, т.е. некоторой актуальной для данного периода времени суммы знаний о мире.

Итак, в последнем (IX) фрагменте I части и во II части ПЛ нарративная стратегия претерпевает следующие принципиальные изменения: во-первых, изменение "точки

отсчета" (по Падучевой) с "синхронной" на "ретроспективную" (ср. фактор В по ван Дейку); во-вторых, радикально меняются прагматико-семантические характеристики текста: в отличие от "исторического плана сообщения" (по Бенвенисту), где нет ни говорящего, ни слушающего, структура и содержание данного типа текста определяется с учетом общей для пишущего и читающего суммы знаний: как правило, сначала идет отсылка к уже известной информации, затем добавляется новая (ср. фактор С по ван Дейку).

18. Вместе с тем, очевидно, что указанные серьезные изменения в нарративной стратегии должны иметь и более глубокие историко-культурологические причины.

Рассмотрим пример, в котором говорится о подкопе, примененном литовцами при осаде города Стародуба. Летописец объясняет неудачу защитников города так:

л. 496 "А того лукавства подкапывания не познали, что (= потому что) наперед того в наших странах не бывало подкапывания".

Это простое на первый взгляд замечание необычайно интересно. Ведь фактически здесь летописец (рассказчик) как бы "от первого лица" обращается к своим современникам. Он словно говорит им: для нас с вами сейчас "подкапывание" — обычная вещь, нормальный военный прием, применяющийся при осаде города, но в те времена, в начале XVI века, подкопы не были еще широко известны, и потому могли застать осажденных врасплох.

Такого рода примеры, а их можно найти во II части ПЛ сколько угодно, демонстрируют принципиально иное отношение к истории, к прошлому, нежели то, которое известно из "старых" летописей типа ПВЛ. Вместо прежнего фрагментарного анналистического принципа изложения, имевшего лишь условную начальную "точку отсчета" — сотворение мира, — летописец обретает реальную, "фиксированную" точку отсчета (без кавычек), исходя из которой он может рассматривать исторический материал, и этой точкой отсчета является его же, летописца, настоящее, его сегодняшний день. Прошлое для него интересно прежде всего тем, чем оно отличается от настоящего и чем настоящее ему обязано. Он выделяет в нем те моменты, которые знаменуют начало нового (современного летописцу) порядка вещей и конец старого. Отсюда часто встречающиеся глаголы с суффиксом *-ива-/-ыва-*, образованные от основы НСВ и обозначающие действие, закончившееся до некоторого момента в прошлом ("давнoproшедшее"), например:

л. 513 "И начаша з бояры говорити: "И наперед того за грехи наши попускал Бог бусурменско на христианство, цари под городом Москвою *стаивали*, а великие князи в городе не *сиживали*".

л. 619 "А прежде сего московские цари и великие князи в такие дальние земли рати не *посылавали*, ни казны своей на подмогу не *даывали*" ("О посольстве в Грузинскую землю").

То же значение может иметь и обычный глагол НСВ:

л. 487 "Тое же зимы мая 20 повелением великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и его матери великой княгини Елены зделан бысть на Москве град земляной по тому месту, где *жмыслил* отец его князь велики Василей ставить Китай".

л. 577 "А жил Семион на Взрубе за Встретинием, где Розстрига *жил*".

Иногда эту же функцию может выполнять и "русский плюсквамперфект" (с некоторым оттенком конечной несостоятельности действия, о котором идет речь):

л. 657 "Да при том же царе и великом князе Василье Ивановиче Шуйском 114 году поставлен Гермоген, патриарх московский и всеа Руси, на место Игнатия патриарха гречина, которово *был поставил* Рострига Гришка Отрепьев в 113 году".

Времена "Ростриги" для автора этого отрывка — уже прошлое, поэтому "русский плюсквамперфект" совпадает здесь по значению с древнерусским плюсквамперфектом. Но чаще он имеет другое значение: действие, которое кто-то намеревался совершить, но не совершил.

Например: л. 611 "О Святая святых (киноварью) Того же году царь и великий

князь Борис Федорович *замыслил был* делать "Святая святых" в Большом городе Кремле на площади за Иваном Великим. И камень, и известь, — все было готово, и образец был деревяной сделан по подлиннику, как составляетца "Святая святых", и вскоре его смерть застигла".

Но и в таком случае употребление этой формы связано с ретроспективной точкой зрения, поскольку повествователю заранее известен результат предпринятых усилий.

"Русский плюсквамперфект" занимает более заметное место в глагольной системе II части ПЛ, чем в глагольной системе I части: в XIV фрагменте, например, он составляет более 1% от всех форм прошедшего времени.

Все перечисленные глагольные формы — итеративные, обычные НСВ и "русский плюсквамперфект" — объединяет одно: все они обязательно подразумевают наличие внешнего наблюдателя, который рассматривает события прошлого из своего сегодня, т.е. (во всех смыслах) с точки зрения своего "сегодня".

Примечателен такой случай. Фразу: "А кровь льетца и до нынешнего дни 121-го, а вперед Бог весть" (л. 651) составитель ПЛ считает (как отмечают издатели) и пишет: "А кровь лилася после того до сто двадесят первого году", — чье-то настоящее стало прошлым, точка отсчета сместилась.

Такая картина в принципе отлична от того, что мы находим, например, в ПВЛ: ее автор в силу своего мировоззрения не мог излагать события так, будто ему заранее известен результат каждого из них. По мнению И.П. Ерёмкина, автор ПВЛ прежде всего решал вопрос о происхождении добра и зла [Ерёмкин 1966]. Но борьба добра со злом происходила в прошлом, происходит в настоящем и будет происходить в будущем. Время не может остановиться. Одна из наиболее распространенных метафор времени в средневековье — река, поток. "В этой реке или потоке человеческого рода, — пишет Августин, — две вещи идут вместе: зло, проистекающее от праотца [Адама], и добро, установленное Творцом" (цит. по [Гуревич 1984: 126]). Настоящее вообще не имеет для средневекового человека большого значения. А.Я. Гуревич характеризует отношение к нему так: «По сравнению с "первоначальным временем" — временем Библии, непреходящим, вечно длющимся Временем, — земное, текущее время бременно. Это "время явлений", а не "сущностное время", и потому оно не самостоятельно"; "истина не подвластна времени, не становится полнее в ходе его» [Гуревич 1984: 131]. Потому и летописец не может выступать в роли судьи, не может свысока смотреть на прошлое.

Совершенно иную картину мы видим в позднем русском летописании. Настоящее — серьезно, значительно и незыблемо. Именно оно делит бесконечную прямую времени на два "луча" — прошлое и будущее; оно — твердая почва под ногами у летописца. Аналогичную ситуацию в Византии С.С. Аверинцев характеризует словами "настоящее остановлено". «Перед нами, — пишет исследователь, — официальная идеология "благоверной государственности", принимающая сама себя вполне всерьез"; "имперфект" человеческой истории, — пишет он далее, — да и библейской "священной истории", не столько "прошедшее", сколько *проходящее* время, заменяется снятым и готовым "перфектом" извечного божьего решения, заменяется *стоящим* настоящим и литургии, но также имперской идеологии, которая готова отнестись апокалиптические пророчества о тысячелетнем царстве мира к сбывшейся, осуществившейся еще при Константине христианской государственности"; "эсхатологическое будущее подменено политическим настоящим» [Аверинцев 1977: 98—99].

В России подобные идеологические тенденции воплотились в концепции "Москва — третий Рим", ставившей превыше всего власть царя и государство. Государство стремилось подчинить себе и историю, и само время. В книге "Россия времени Ивана Грозного" А.А. Зимин и А.П. Хорошкевич пишут: «Общерусское летописание полностью стало государственным делом. Его вели теперь в государеве дворце, под руководством близких к царю Алексея Адашева и Ивана Висковатого. Сам царь участвовал в этом, "переписывая" историю в связи с новыми политическими катаклиз-

мами. Летопись становилась хроникой придворных событий, войн и дипломатических приемов, основанной на материалах государственного архива, превращаясь в свод выдержек из посольских и разрядных книг» [Зимин, Хорошкевич 1986: 161]. Никоновский свод те же авторы характеризуют так: "Созданный по непосредственному распоряжению царя, свод содержал историю человечества от библейских времен до его царствования, он увековечивал и прославлял власть русских самодержцев, неизблемую до конца мироздания" [Там же: 169].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверинцев С.С. 1977 — Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
- Бенвенист Э. 1974 — Общая лингвистика (перев. с франц.). М., 1974.
- Гуревич А.Я. 1984 — Категории средневековой культуры. М., 1984.
- Дианова Т.В. 1976 — К вопросу о времени создания рукописи Пискаревского летописца // Летописи и хроники. М.Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976.
- Ерёмин И.П. 1966 — Повесть временных лет как памятник литературы // Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М., 1966.
- Живов В.М. 1995 — Usus scribendi. Простые претериты у летописца-самоучки // R.Ling. 1995. № 19.
- Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. 1982 — Россия времени Ивана Грозного. М., 1982.
- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Маслов Ю.С. 1961 — Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961.
- Насонов А.Н. 1969 — История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969.
- Николаева Т.М. 1978 — Лингвистика текста. — Современное состояние и перспективы (Вступит. статья) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978.
- Николаева Т.М. 1990 — Лингвистика текста // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Падучева Е.В. 1986 — Семантика вида и точка отсчета // ИАН СЛЯ. 1986. № 5.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей, издаваемое Археографическою комиссиею. Т. I—XXXIX. СПб.: М., 1841—1994.
- Ружичка Р. 1962 — Глагольный вид в "Повести временных лет" // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
- Яковлева О.А. 1955 — Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. Т. II: Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955.
- van Dijk T.A. 1975 — Issues in the pragmatics of discourse. University of Amsterdam, 1975 (цит. по: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978).
- Klenin E. 1993 — The perfect tense in the Laurentian Manuscript of 1377 // American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists. Bratislava, August — September 1993. Literature. Linguistics. Poetics. Columbus; Ohio.
- Klenin E. 1995 — The verbal system of a seventeenth-century icon legend: morphology and discourse function // R.Ling. 1995. № 19.
- Weinrich H. 1971 — The textual function of the French article // Literary style / Ed. by S. Chatman. N.Y.: Oxford, 1971 (цит. по: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978).
- Wierzbicka A. 1967 — On the semantics of the verbal aspect in Polish // To honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his 70-th birthday. V. 3 The Hague; P., 1967.